

Андреева Мария Федоровна

3.08.96

Мария Андреева...
Сегодня это имя многим не очень знакомо. А когда-то оно гремело: одна из ведущих актрис Художественного театра. Ее партнером по сцене был Станиславский.
Андреева — вторая жена Максима Горького. Бесстрашная революционерка.
Ленин называл ее "Товарищ Феномен".
Расскажем о ней подробнее, ведь это такое необычное сочетание: Красавица, Актриса, Революционерка...

М. Ф. АНДРЕЕВА. 1899 год.

А. М. ГОРЬКИЙ, Г. УЭЛЛС И М. Ф. АНДРЕЕВА. Петроград. 1920 год.

Поклонники грызли бокалы

Точной даты рождения нет. Только год — 1868. Отец — Федор Федорович Юрковский из дворян Харьковской губернии. Кончил Морской корпус и стал... актером. Потом режиссер. В Риге, в семье остзейских дворян. Закончила балетную школу. Актриса. Такие вот корни у Марии Федоровны Андреевой (Андреева — сценический псевдоним).

С детских лет Машенька Юрковская была прехорошенькой и привлекала внимание посторонних на улице, даже мужчины заглядывались. Строгий отец требовал, чтобы ее одевали в самые некрасивые платья. Но и это не спасало, ну а уж в девичество, когда расцвела ее красота, то скрыть это было уже невозможно. Дальше все ярче и пышнее. В воспоминаниях Владислава Ходасевича есть пассаж, в котором он вспоминает, как 12-летний мальчишка присутствовал на спектакле "Царь Фалат Иодинович" в Художественном театре. "И когда появилась М.Ф. Андреева — княжна Милославская, — все кругом зашептали: "Какая хорошенькая! Что за ямочки на щеках! Ах, прелесть!".

Конечно, у поэта были свои причины приписать красоту Андреевой, поэтому он и иронизировал, но вот мнение актрисы Ольги Гзовской об Андреевой: "Это была красота замечательная, настоящая, и только волшебница-природа могла создать столь гармоничное целое".

Но мы в своем рассказе несколько забежали вперед. Как она попала на сцену? Все просто: живя в театральной атмосфере (отец — главный режиссер Александринского театра, мать — актриса), Мария решила, что ее предназначение — театр. Рано окончив гимназию, она вступила в драматическую школу, а в 18 лет отправилась в Казань, здесь она впервые вышла на сцену в антрепризе Меллевуа.

Спустя два года она вышла замуж за крупного железнодорожного чиновника Андрея Желябужского, который был старше ее на 18 лет. Официально он занимал пост главного контролера Курской и Нижегородской железных дорог, но был не только не чужд искусства, но и являлся его горячим поклонником. Он состоял членом Общества искусства и литературы и еще членом правления Российского театрального общества. Поначалу искусство и театр и сблизили их, но ненадолго. В 1889 году родился сын Юрий, в 1894 — дочь Екатерина. Но о семье чуть позже. Сначала о театре.

Когда Желябужский получил новое назначение в Тифлис, супруги переехали туда.

Красивой молодой актрисой был очарован весь Тифлис. Во время одного из банкетов влюбленный в нее юный грузин произнес стих-гимн в честь красоты Андреевой, затем сделал маленькую паузу и добавил: "После тоста в честь такой прекрасной женщины никто не смеет больше пить из этого бокала". И на глазах всех присутствующих... съел целиком весь бокал.

Спустя многие годы этот эпизод со вздохом вспоминала Андреева: "Да, дела минувших дней, а теперь никто для меня не будет грызть бокалы, да и грузин таких больше нет". На что присутствовавший за столом актер и режиссер Константин Марджанов (Кот Марджановичи) обижено заявил: "Ошибаетесь, Мария Федоровна. Грызть бокалы — у нас это самая обычная вещь. Я вам докажу, хотя я и не совсем юный грузин. Вот сейчас выпью за ваше здоровье и закушу этим бокалом". Он осушил бокал и снова поднес его ко рту. Розенфельд, Луначарский (это было в доме у жены наркома Луначарского) невольно вскрикнули. Марджанов сказал с виноватым видом: "Извините, Наталья Александровна, я понимаю — вам жалко такого бокала; нельзя разрознить винный сервиз", — и поставил бокал на место. Мария Андреева хотела до слез.

Но вернемся к рассказу о театре. Тифлис — это первые пробы, в Москве — это уже было серьезно. Семья Желябужских переехала в Москву, и Андреева тут же появилась в Обществе искусства и литературы, которым руководил Константин Станиславский. Дебют состоялся 15 декабря 1894 года в пьесе "Светит, да не греет" А. Островского и Н. Соловьева. Станиславский играл Бруска Рабачева, Андреева — Олю Василькову.

За три первых московских сезона Андреева сыграла одиннадцать ролей. Параллельно она занималась в Московской консерватории. А еще многочисленные организационные хлопоты. Вместе со Станиславским и Немировичем-Данченко она приняла участие в создании Художественного театра.

Под кличкой Стрела

Короче, была пресса, была любовь публики, был успех. Сама великая княгиня Елизавета Федоровна писала ее портрет. Но дальше все пошло не по нарастающей, а по какой-то кривой. Кривой, потому что Мария Андреева стала раздваиваться и даже разрываться. Она познакомилась с большевиками через репетитора своего сына Юрия — студента Дмитрия Лукьянова. Увлеклась "Капиталом" и прочей марксистской литературой, стала активно помогать организации, вступила в ряды РСДРП — все, естественно, тайно: втайне от мужа, втайне от театра, втайне от коллег и знакомых. Этот период совпал с полным охлаждением в отношениях с мужем. У нее был в разгаре роман с Саввой Морозовым, а тут на горизонте появился еще один притягательный мужчина — Максим Горький, — и как результат всего этого по существу рухнула ее артистическая карьера, которая так хорошо начиналась.

Служенье муз не терпит суеты", — справедливо заметил классик. А какое может быть святое служенье искусству, которое прерывается невольными встречами, распространением запрещенной литературы, конспирацией и т.д. Все это не могло не сказаться на игре Андреевой, и вот из актрисы первого плана она переходит во второй.

Великий режиссер требовал полной отдачи человека театру, всего себя, без остатка, а коли этого нет, то тут он бывал беспощадно строг. Однажды Станиславский так сформулировал свои оценки: Андреева — актриса "полезная", Книппер — "до зарезу необходима". Ольга Леонардовна Книппер была негласной царией Художественного театра. Это возмущало Андрееву, но все ее попытки завладеть короной остались безуспешными: таланта не хватало. Любопытно, что это даже видел Горький, который писал по поводу спектакля "Снегурочка" и роли Леля: "Надурна в этой роли и Андреева, но Ольга Леонардовна — восторг!".

То знает, как бы в дальнейшем складывались отношения Станиславского и Немировича-Данченко с Андреевой, если бы за ее спиной не стоял месяцем Художественного театра, председателем правления Товарищества Савва Морозов, который благоговел перед ней.

"Отношения Саввы Тимофеевича к Вам — исключительные, — писал Станиславский Андреевой в феврале 1902 года. — Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву, и Вы это знаете и относитесь к ним бережно, почти-точно. Но знаете ли, до какого святотатства Вы доходите?.. Вы хвастаньетесь публично перед посторонними тем, что мучительно ревнуете Вас Зинаида Григорьевна (жена Саввы Морозова — Ю.Б.) ищет Вашего влияния над мужем. Вы ради актерского тщеславия рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич, по Вашему настоянию, вносит целый

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

Жизнь и судьба Марии Андреевой

капитал... ради спасения кого-то. Если бы Вы увидели себя со стороны в эту минуту, Вы бы согласились со мной..."

Подобное письмо не могло понравиться Андреевой, и вот финал — письмо Станиславского Андреевой от 19 февраля 1904 года: "Дорогая Мария Федоровна! Я узнал с большой грустью о Вашем решении: уйти из своего театра. С не меньшей грустью я сознаю, что мои убеждения и советы теперь — неуместны и бессильны. Мне ничего не остается более, как сожалеть и молчать..."

Между строк письма Константина Сергеевича чувствуется холодок творческого расставания: их пути разошлись окончательно.

В 1904 году она вступила в ряды РСДРП. Ее партийная кличка Стрела. Очень символично. Случившаяся с Натангой той же осенью, она устремилась в революционное дело, в борьбу. И новые товарищи по борьбе не вспоминали артистку Андрееву, а только "замечательную большевичку Марусю".

Она была замужней светской женщиной, известной актрисой, это была великолепная ширма, за которой можно было обделывать всякие революционно-террористические акции. Партийные задания множилось: от помощи в подготовке побегов большевиков из таганской тюрьмы до хранения денег с патрионами в письменном столе Горького. В квартире Горького и Андреевой хранилось снаряжение для боевиков, шкафы были набиты боковыми бомб, биноклями, штурмом, капсулами гремучей ртутью, — Андреева в новой роли? Современная интерпретация леди Макбет?..

Но главное — деньги. Деньги для революции. Тут пригодились особые отношения с капиталистом Саввой Морозовым. Был тут адюльтер, неясно, все покрыто мраком неизвестности, недаром Андреева прошла у большевиков артистическую школу конспирации. Но так или иначе почему-то именно Мария Андреева Савва Тимофеевич отдал под свое страхование на 100 тысяч рублей. Не нынчиши. Царских. То есть весьма громадные средства. За кулисами этой финансовой аферы стоял свой Станиславский — Леонид Красин, он все и срежиссировал. Деньги пошли в партийную кассу, лишь часть из полученной суммы после загадочного самубийства Саввы Морозова Андреева направила своей сестре на воспитание брошенных ею детей.

Уезжая с Горьким в Америку, Андреева писала сестре — Елизавете Крист: "Не ехать с Алейшей я не могла... задача — историческая... Знаю, мой хороший, любимый друг, что я всю тяготу завалила на тебя, хоть ты и самый родной, близкий мне человек. Мне часто тяжело и грустно без детей, хочется увидеть, приласкать их. Часто ночью я лежу с открытыми глазами и думаю о вас, вижу вас перед собой..." (31 января 1906 года).

Слезы Ильича

Нет, не детям решила отдать свою жизнь Андреева, а партии большевиков. Она действительно сделала для революции немало, за что и была канонизирована в анналах революционной истории. Как писал старый большевик Григорий Петровский: "Красивейшая из женщин, человек большого ума, она не поддалась гилуму и бездарному обществу помещиков, капиталистов, возглавляемых царем Николаем II, а всемерно помогла пролетарской революции".

Мнение Федосии Драбкиной об Андреевой: "Всегда была твердой ленинкой".

Но не простой ленинкой, а личной знакомой и приятельницей Владимира Ильича. Он ее очень ценил. Не за красоту (хотя, возможно, и за это), а главным образом за деловую хватку, за умение что-то достать, выбить, выколупать. "Товарищ Феномен" так называл вождем Марию Андрееву, вкладывая в это определение весь свой революционный восторг.

Последняя встреча с Лениным произошла в конце ноября 1921 года. По заданию партии Андреева собралась в долгий отъезд — беседа между ней и вождем разворачивалась в жанре прощания, позволявшем некоторую открытость, говорил о значении кинематографа. "По обыкновению я волновалась, горячилась, — вспоминала Андреева в письме от 29 января 1924 года к Горькому, — он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит: "Какая Вы еще, Мария Федоровна, молодая! Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я — устать стал. Сильно устать". И как мне жалко его стало, так страшно. Мы крепко обнялись с ним, и я вдруг почему-то заплакала, а он, тоже отирая глаза, стал укорять меня и убеждать, что это очень плохо".

Зададимся вопросом: с многими ли женщинами так деловито и трогательно обнимался Владимир Ильич? А вот с Марией Федоровной обнимался, даже комплимент сказал (Андреева на два года по возрасту старше Ленина). Легко сделать вывод: уважал. И любил. И она его любила, как олицетворение, как символ революционного преобразования мира. Небось Станиславский не позволял себе никакого амикошества и не обнимал Марию Федоровну. Но кто такой в конце концов Станиславский? Бог Художественного театра. А тут был весь Россия, а может, и мир. Масытаб совсем иной. Отсюда и слезы умиления от его обаяния. Женщина все-таки.

Поразуждает еще немного. Чем же пленила светскую даму и актрису Андрееву эта самая революция? Ну, во-первых, само дело революции — интересное, захватывающее, кипучее: есть где приложить силы, развиться, во всю ширь. А во-вторых, наиглавнейшие перспективы, горизонты, от которых дух захватывает. Мария Федоровна свято верила в эту лучезарную даль. Как и многие другие старые большевики-романтики (циники и прагматики пришли, когда власть была завоевана), Андреева верила, что стоит только сокрушить бастионы царизма, как сразу наступит рай с молочными реками и кисельными берегами.

В речи в Нью-Йорке 4 мая 1906 года Андреева убежденно говорила: "Придет время, когда угнетенный народ России будет управлять страной. Женщины борются за свободу так же, как и мужчины. Если мы отдадим этой борьбе всем сердцем, с твердой решимостью победить, наше дело победит..."

Главное, иметь цель, главное — двигаться по выбран-

ному направлению. Это очень мобилизует и позволяет идти вперед, не особенно отягощая себя различными размышлениями о том, что произойдет, когда цель будет достигнута.

Так же поверил в эту конечную цель — в царство добра и справедливости — старый писатель-романтик Максим Горький. В лице Марии Андреевой он нашел отважную помощницу и отчаянную ментальницу. Они соединили свои судьбы.

Жизнь с Буревестником

Как и где это произошло? Но сначала отметим, что Андреева давно разрушила свой брак, и статский советник Желябужский перестал ее интересоваться совсем. Дети были пристроены у сестры. Она была свободна, как птица, тут и подоспела встреча с Буревестником.

Сама встреча состоялась в Севастополе в 1900 году во время гастролей там Художественного театра. Гастроли проходили в каком-то летнем театре, и вот в антракте спектакля "Гедда Таблер" в тонкие дощатые двери артистической уборной раздался стук. Толко Чехова:

К вам можно, Мария Федоровна? Только я не один, со мной Горький.

Сердце забилось — батюшки! И Чехов и Горький! — читаем мы в воспоминаниях Марии Андреевой. — Встала навстречу. Вошел Антон Павлович — я его давно знала, еще до того как стала актрисой, — за ним высокая тонкая фигура в летней русской рубашке; волосы длинные, прямые, усы большие и рыжие, — неужели это Горький? — Вот познакомьтесь, Алексей Максимович Горький. Хотел наговорить вам кучу комплиментов, — сказал Антон Павлович. — А я пойду в сад, у вас тут дышать нечем. — Черт знает! Черт знает, как вы великолепно играете, — басит Алексей Максимович и трясет меня изо всей силы за руку. А я смотрю на него с глубоким волнением, ужасно обрадованная, что ему понравилось, и странно мне, что он чертыхается, странно его костюм, высокие сапоги, разлетающаяся, длинные прямые волосы, странно, что у него грубые черты лица, рыжеватые усы. Не таким я его себе представляла. И вдруг из-за длинных ресниц глянулись голубые глаза, губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого, и радостно екнуло сердце. Нет! Он именно такой, как надо, чтобы он был, — слава богу! —

Сердце екнуло. Значит, любовь!.. Но в воспоминаниях Андреевой о любви нет ни слова (стеннаяж не хотела? специально замалчивала?). Есть другое: "Наша дружба с ним все больше крепла, нас связывала общность во взглядах, убеждениях, интересах. Мало-помалу я входила во все его начинания, знала многих, стоящих к нему более или менее близко. Он присылал ко мне людей из Нижнего с просьбами устроить их, сделать то или другое... Я страшно гордилась его дружбой, восхищалась им бесконечно..."

Дружба дружбой, но и постель... Мария Андреева стала гражданской женой Горького с конца 1903 года (им обоим по 35 лет, они — одногодки). Максим Горький расстался со своей женой Екатериной Пешковой, но не порвал с ней окончательно, а сохранил добрые, дружеские отношения на всю жизнь.

Горький разошелся с женой — и никто практически не осудил пролетарского писателя за это, а вот Андреевой пришлось труднее: общество ее осудило за разрыв с мужем и в связи с Горьким. Критиковали, осуждали, порицали. В письме к Горькому от 10 мая 1904 года Андреева пишет: "Вот оно, возмездие за дурное поведение! О-о-о!! И как мне было весело и смешно. Весело, что я ушла от всех этих скучных и никому не нужных людей и условности. И если бы даже я была совершенно одна в будущем, если я перестану быть актрисой, — я буду жить так, чтобы быть совершенно свободной! Только теперь я чувствую, как я всю жизнь крепко была связана и как мне было тесно..."

Потела новая жизнь — с Горьким. Нет, не потела, а забурлила: бешеная деятельность, революционная и издательская, арест Горького, болезнь Андреевой, частые разлуки, обмен письмами: он — "Алеша", она — "Твоя Маруся".

Шумная пропагандистская поездка вдвоем в Америку. Оттуда летом 1906 года Андреева пишет сестре — Екатерине Крист: "Много работаю на машинке, то есть печатаю. Алеша так много пишет, что я за ним едва успеваю. Пишу дневник нашего зарубежного пребывания, перевожу с французского одну книгу, немного шью, словом, всячески наполняю себя, чтобы к вечеру устать и уснуть, и не видеть снов, потому что хороших снов я не вижу".

Американские пуритане ругали Горького как "двоеженца", трепали имя Андреевой, и поэтому она все время рвалась уехать из "этой проклятой страны".

Помимо французского, она знала немецкий и итальянский языки. Вела всю переписку Горького. Переводила. Освоила художественный перевод. Действительно, она вся в деле и при деле: работа об издании произведений Горького, о выплате гонимым, опять же все новое и новое поручения партии. Кстати, полиция вела на нее дознание, в котором она называлась сожительницей писателя Максима Горького, но так и не арестовала ее.

Когда Андреева вернулась в Россию в 1913 году и корреспондент газеты "Театр" задал вопрос об ее отношении к жизни, она ответила: "Жизнь так пленительно красивая, так увлекательно интересна, а люди не видят и не хотят видеть этого". То есть не хотят заниматься революцией?!

В октябре 1906 года Горький, Андреева и сопровождающий их партийный "товарищ Герман" (Николай Буренин) покидают США и направляются в Италию. Начинается жизнь на Капри. Жизнь снова литературно бурная и общественно кипучая. Вилла на Капри стала прибежищем многих русских эмигрантов. Всех их Андреева принима-

ла, кормила, давала им кров. Здесь же произошло идейное размежевание с Богдановым, Базаровым и Луначарским. "В сердцах" партийной полемики Луначарский назвал Андрееву "вредным элементом" и "мерзкой женщиной", но, правда, потом они помирились, стоя вместе на ленинской платформе. Как писала Андреева своей подруге Муратовой с Капри 11 сентября 1910 года: "Живем мы как когда, когда очень хорошо, иногда плохо, но всегда интересно и разнообразно..."

В Италии Андреева заинтересовалась фольклором, и на основе ее пересказов народных преданий Горький написал "Сказки об Италии". Она вышла с авторским посвящением: "Марии Федоровне Андреевой".

"Нет, милый, поздно"

Но впереди были сказки о России. Вернувшись на родину, Андреева становится финансовым агентом партии и изыскивает повсюду средства для революционной деятельности. Почти ежедневно лишет на Капри, информирует Горького о политических событиях. Снова пытается играть в театре. Летом 1917 года с известным актером Максимовым гастролирует по югу России. Октябрь 1917-го поставил на прошлой жизни крест. Начался новый отсчет времени. Те, кто вкладывал в революцию свои силы, здоровье и деньги, мгновенно захотели получить компенсацию: новые посты и "портфели". Не забыта и Андреева, она — комиссар театров и зрелищ союза коммун Северной области, то бишь Петрограда и всех его окрестностей.

В дневниках Корнея Чуковского есть запись от 18 апреля 1919 года, как в кабинет Шалляпина зашел комиссар Мария Федоровна Андреева, отличная одетая, в шляпке — "да, да, я распорядилась, вам сейчас поддут!".

Распорядилась. Выделяла. Наказывала. Наказывала — истинная стихия для Андреевой. Но и после Октября не все было гладко — революция не устранила конкуренцию между людьми, просто на авансцену вышли новые фигуры. Конкуренткой в театральной деле для Андреевой стала сестра Троцкого и жена Каменева — Ольга Давыдовна. Как отмечает Владислав Ходасевич, "назначение Каменевой причинило страшные душевные муки жене Горького, Марии Федоровне Андреевой, считавшей, что возглавление ТЕО по праву должно принадлежать ей (отчасти было это справедливо, потому что она как-никак бывшая артистка, а Каменева — не то актриса, не то зубной врач). Вражда между высокопоставленными дамами не затихла".

В борьбе за театральную отдел ТЕО Каменевой помогал Луначарский, а Андреева все время апеллировала к Ленину: "Не люблю жаловаться, но ведь поимте же..." В другом письме: "...явились влиятельные дамы... и все готово полететь к черту" (влиятельные дамы — это Каменева и Менжинская). "О господи коммунистический! Бедное русское искусство, бедный русский чудом уцелевший театр!" — патетически восклицает она в очередном послании к Ленину. Андреева уверена, что спасти русский театр способна лишь она. Каким образом? Путем приказов и распоряжений, например, она обратилась к Блоку "прямо и бесцеремонно" — возглавить Большой драматический театр, но тот благодушно отказался.

При всех своих недостатках (жесткость, самоуверенность, безаппеляционность) Андреева была женщиной доброй, многим помогала, не всегда правда, бескорыстно. Вот запись из "Черных тетрадей" Зинаиды Гиппиус от 22 октября 1918 года: "Декреты, налоги, запрещения — как из рога изобилия. Берут по декретам, берут при обысках, берут просто. "Берут" даже Андреева, жена Горького: согласилась содействовать отправлению великого князя Гавриила в Финляндию лишь тогда, когда жена Гавриила подарила ей дорогие серьги".

Следует отметить, что Зинаида Николаевна Гиппиус, старая салонная львица и талантливый литератор, не любила Андрееву. Чуть ранее в ее дневниках есть такое упоминание: "Горьковская жена" (публикал) "Зинаиды" Мария Федоровна Андреева, которая "хак, искусство!" и потому всячески дружит и работает с Луначарским..." (4 декабря 1917 года).

Мнения об Андреевой всегда были полярными, контрастными, ее порицали или восхваляли, любили или ненавидели. Но Горький, расставшись с Марией Федоровной, сохранил с ней ровные отношения. В одном из писем он пишет ей по-своейски: "Будь здорова, расти большой" (17 октября 1923 года). Она в ответ: "Ничего, кроме хорошего, я не хочу помнить" (24 апреля 1924 года). Но, конечно, обиде крепко засела в ее сердце. В письме из Берлина от 5 апреля 1928 года она писала Горькому: "Писать? Нет, милый, поздно. Это очень жестоко словечко. Особенно для женщины. Но я предпочтитаю сказать это себе самой, чем услышать от других..."

"Вы не смотрите, что она актриса"

В начале 20-х годов произошли существенные перемены в окружении Горького. Место Марии Андреевой заняла другая особа, которая стала незаменимым секретарем и сердечным другом писателя — Мария Игнатьевна Будберг — "железная женщина", о которой Берберова написала целую книгу. Она командовала за столом у Максима Горького.

Когда Горький умер, в крематории присутствовали все три женщины. В книге Голыцын Серебряковой "О друге и о себе" читаем: "Из публики, четко вырисовывавшаяся в траурном платье появилась Екатерина Павловна Пешкова — неизменный друг Горького. Тяжело опираясь она на руку невестки. За ней шла Мария Федоровна Андреева с сыном, кинорежиссером Желябужским. И подала, совсем одна, осталась Мария Игнатьевна Будберг. Все эти три женщины чем-то неуловимо походили одна на другую: статные, красивые, гордые, одухотворенные..."

Что ж, отдадим дань вкусу Горького.

Поэт Вячеслав Иванов записывал в дневниках высказывания Горького во время встреч с ним в Сорренто в 1925 году. По поводу первой жены Екатерины Павловны Горький говорил: "Я с нею в самых дружеских отношениях, как и с Марией Федоровной Андреевой, с которой я жил десять лет. Мне удавалось избегать с близкими женщинами драм..."

Однако можно утверждать, что в душе у покинутой женщиной драмы все же были, особенно у Марии Федоровны Андреевой. Другое дело, что она постоянно заглушала сердечную боль работой, своей постоянной активностью.

В апреле 1921 года, как комиссар экспертной комиссии, она командировалась за границу для реализации отобранных на экспорт художественных изделий, Германия, Дания, Швеция... Она продавала ценности России и выручала за это валюту (еще следует выяснить, делала ли она благо для страны или наносила ей урон?). Действительно умело торговала, заслужив прозвище "красный купец". Еще занималась кинорежиссурой, делами — попутно снялась в немкейских лентах. Руководила фоткинотодотделом. Как не вспомнить слова Ленина о ней: "Мария Федоровна — очень энергичная женщина и наш, совершенно наш человек. Вы не смотрите, что она — актриса. Убедитесь, когда поближе познакомитесь, какая она деловая женщина". Еще бы! "Товарищ Феномен!"

В 1930 году Андреева вернулась в СССР. Ей уже за 60 лет, но выглядит она лет на десять моложе. "Удивительно она оживлена, моложавая, гармоничная..." — записывает свои впечатления об Андреевой Чуковский многие годы спустя, в 1944 году.

Зимой 1931 года Андреева получила свой последний пост — она стала директором Дома ученых в Москве. Весь свой темперамент и энергию, не исрасходовавшие до конца, она вложила в новое дело. Дом ученых на многие годы стал одним из интереснейших мест общения интеллигенции столицы. Клубом встреч. Мария Федоровна приглашала туда многих интересных людей, частенько и сама выступала с воспоминаниями. Основные ее темы: Ленин и Горький. В то время самые популярные и выигрышные темы. Отработанные лейн-ные тексты шли на ура.

И все же порой ей было тоскливо и одиноко: шумная жизнь осталась позади. Работавшая с ней в Доме ученых большевичка Сулимова вспоминала, как однажды она принесла какой-то проект документа на подпись Андреевой в ее кабинет. Та много в проекте исправила, а потом, увидев недоумение на лице Сулимовой, сказала: "Не обижайтесь, Мария Леонтьевна, я ведь и Алексея Максимовича редактировала..."

В другой раз Андреева неожиданно призналась все той же Сулимовой: "А я была не права, что покинула Горького. Я поступила как женщина, а надо было поступить иначе: это все-таки был Горький..."

В декабре 1953 года в возрасте 85 лет Мария Федоровна Андреева скончалась. Казалось бы, по всем канонам большевиком меркам она прожила прекрасную жизнь, принесла большую пользу делу революции, была соратницей двух корофеев — Ленина и Горького, ее имя вписано в историю Художественного театра, она любила и была любима. Казалось бы... Но вот Розенфельд-Луначарский отмечает, что, когда Андреева лежала в гробу, ее лицо представляло собой маску страдания. И никакого умиротворения и спокойствия.

Любимые женщины великих